

ВАЛЬКИРИЯ
ТОТ, КОГО Я ВСЕГДА ЖДУ

РОМАН

Гой ты, берёзка
мы тебя срубили
сгуби и ты мужа
сломи ему голову
на правую сторону
с правой на левую

Русская песня

Я иду учить тебя смеяться...

Ритуальная песня

БАСНЬ ПЕРВАЯ

ВАРЯГИ

1

Гадюка была красивая: толстая, тугая, до кончика хвоста оплетённая замысловатым узором. И очень проворная к исходу солнечного дня. Прошуршав, она стекла с валуна в густую траву, растворилась в кудрявой зелени папоротника.

— Прости, змеёушка, — сказала я виновато, — не сердись на топотунью невежливую. Вернулась бы. Не мал камешек, не дерёмся.

Она жила здесь всегда, сколько я себя помнила. И всегда я говорила ей одни и те же слова. Но ни разу ещё змея не вернулась.

Я сняла с плеч замызганный берестяной кузов и тронула камень. Серый гранитный лоб отдавал ласковое тепло. Я взобралась и легла, блаженно вытягиваясь. Не очень легко было меня приморить, но с зари на ногах, да по горкам — умаешься. Вражда девке с кузовком, что не ходит он пешком!

Летние облака плыли над вершинами леса, предвечернее солнце понемногу их золотило. Облака сходились и расходились, а меж ними светила бездонная синева. Вот синий разрыв меж двух белых комков стал похож на токующего глухаря: не всякая человеческая рука сумела бы так вывести распущенные крылья, изогнутую шею птицы, закинутую головку... А вот зыбко возник вдалеке насторожённый, принюхивающийся вепрь... Облака сметанились, их края теряли чёткость и понемногу смыкались. За такими облаками частенько следуют страшные тучи.

Скоро солнышку придёт пора отдыхать, прятаться с глаз за косматый земной горб. Поднимется по стволам густеющая темнота, пробудится в дупле сова, загорится во мраке зелёный глаз лесного кота... Если очень спешить, я, пожалуй, поспею домой до темноты. Но домой не хотелось. Совсем не хотелось.

Мягко скакнул большой зверь. Светлошёрстный, ростом в хорошего волка пёс встал надо мной, заглядывая в глаза. Влажный

язык трепетал меж длинных клыков. Я лениво подняла руку, запустила пальцы в густой мех на его груди. Он зевнул и свернулся рядом, уткнувшись мне в бок головой. Я положила ладонь ему на загривок. Друг верный.

Все в нашем роду боялись леса. Все, кроме меня. Правда, был ещё дедушка Мал, прозванный за непомерную силу Ломком. Однажды в малиннике поднялся на него свирепый медведь; не растерялся дедушка, ответил объятием на объятие и палкой, сжатой в руках, переломил мохнатую спину, раздавил жирный загривок... Как раз в то лето бабушка родила ему старшенького — моего дядьку. А годик спустя и отец явился на свет. Всем хороши удались сынки, и как не удаться с такими-то именами: Ждан да Желан! Но начали подрастать, и оказалось, что силы великой не воспринял ни один. Покачал дед Ломок седой головой, уселся ждать внуков. Внуки не задержались. Третьим сыном порадовала дядьку жена, когда отец тоже привёл в дом молодую. Взялись ладить ещё избу, а поднялся новый сруб подле родительского — погадали. Увязали хлеб в шубу и подняли наверх вместе с матицей, потом перерубили верёвку и стали смотреть, как упадёт. Вещий хлебушко лёг славно, верхней корочкой кверху — к мальчишкам. Радовался отец, песни пел, выглаживая люльку для сына... но первенца подменили у матери в животе, и родилась я. Дядькины сыновья долго потом не желали считать меня за сестру, дразнили — ведьмин подкидыш... А стояла тогда, сказывали, страшноватая зимняя ночь, и огромные заснеженные ели почти доставали луну, а зелёные звёзды мерцали и прятались — с моря надвигалась метель... вот и назвали меня без большой затеи — Зима. Зимушка да Зимушка, пока бегала по двору в рубашонке. Рубаху сняла, Зимкой начали кликать. А своих детей заведу — уважать станут, Зимой Желановой величать... да.

Все в нашем роду боялись чащобы. Сто лет уже мстил нам лес и совсем не собирался прощать, а если по совести, так было за что — потом расскажу. Лес мстил жестоко. Ещё жил дедушка, когда проклятие настигло отца. Рухнуло подсечённое дерево, да не туда, куда направляли... Опечалился дед Ломок и подался, постарел.

Меня он крепко любил. Все мужья спрашивают с жены сыновей, а сами баловать дочек рады-радешеньки. А уж деды внучек —

втройне. Умер отец, призвал дедушка дядьку Ждана и настрого велел ему взять мать меньшицею, не оставить меня в сиротстве, а её в горьком вдовстве. Дядьке что! И была у нас теперь полна изба младших сестрёнок. Восемь рук, восемь ног, четыре рта. Ручки, правда, покамест больше любили братья за ложку, а резвы ножки — бегать от дела. Зато рты болтали без устали...

Я раскрыла глаза, отыскала на небе солнце. Нет уж, не побегу домой. Пусть Белёна хозяйничает, ничего, рученьки не отсохнут. А то кашу стряпать она малое дитяtko, а перед парнями вертеться — куда как выросла!

После деда я одна не замыкалась от леса крепким засовом. Было дело: мать в сердцах настегала меня, голенастую шестилетку, за праздность, за то, что весь день ловила в озере раков. Добыча вполне годилась в горшок и, наверное, погода как раз там и оказалась, но мне уже не было дела. Зарёванная, встрёпанная, вылетела я за порог...

Ну и пусть, заходился во мне кто-то другой. Пусть обманет, уведёт незнамо куда обросший листьями Леший, утопит Болотный Хозяин, порвёт безжалостный зверь!.. Убежала я в тот день далеко. От усталости помалу иссякла обида, я вспомнила, что надо было бояться. Но, диво, никто не спешил рвать меня на клочки, не околдовывал, не пугал. Земляничная поляна осушила детские слёзы, мохнатая ёлка-шатёр поманила спрятаться от дождя... я и проспала под ней до утра, как на полатях. И ночь напролёт кто-то большой стоял подле, гнал всё злое прочь от меня и из моих снов... А утром, как это ни странно, я без забот нашла дорогу домой.

Тогда появилась у матери в волосах седина. Начало дитё непослушное убежать в лес на день, на два, только прикрикни... Учить проку не было — что рукой, что хворостиной.

Я слезла с камня и подняла на плечи кузов. Помаешься с таким и запомнишь, что год был грибной. Смех сказать, день таскала — всё ничего, а отдохнула, вдвойне тяжелей стал.

Шатёр-ёлка, та самая, ждала невдалеке. Не ошибёшься в избе мимо печи, вот и я выйду к ёлочке хоть ночью, хоть в бешеную метель.

Пёс Молчан на трёх ногах поскакал следом за мной. Одна, покалеченная когда-то, под конец дня у него всегда уставала.

Когда мне пошёл шестнадцатый год, во двор начали заглядывать матери подросших парней. Разговоров многих не разговаривали, больше смотрели, ловка ли я у печи. Мать знай меня наряжала и чуть не под полом прятала пригожих сестрёнок. И всё было бы как у людей, не оценись тогда дядькина белая сука.

Её детей охотно брали добрые люди, вот и в тот раз пришли из-за дальних лесов весские охотники, кто с чёрной куницей, кто с лисами. Унесли всех щенят, лишь один, слабенький, не глянулся никому. Показался негодным ни к племени, ни на охоту. Дядька и велел его утопить.

Братья были тогда уже все усаые, все женихи. А я кто? Девка плаксивая. Взмолилась не губить зря, попросила отдать никчёмного мне — посмеялись, прочь оттолкнули.

...Вот когда, кажется, в самый первый раз пробудилась дремавшая во мне наследная сила! Ой, как же я бросилась!.. И отстояла-таки, в чьей-то шапке унесла дрожащий мокрый комочек, и он до рассвета сосал мой палец, смоченный молоком, держал на весу переднюю лапку и плакал от обиды и боли... Я ходила с ним по двору, потому что в доме спали сестрёнки. И только потом, когда он устал плакать и затих, убаюканный, у меня на руках, я стала смекать и сама испугалась, поняв: шутки шутками, а ведь одна ринула здоровенных парней!..

С тех пор минуло время. Молчан давно вырос в большущего и очень гордого зверя и знать не знал никого, кроме меня. А ко мне присватывались каждое лето, но я ни с кем об руку не ходила проведать любимые ягодные поляны, никому не рассказывала про ёлку-шатёр... Нужны были мне все эти женихи и их матери, искавшие в свой дом ещё одни крепкие руки, послушную спину и детородное чрево... Я как будто поняла о себе нечто значительное и скрытое от других, и дело было не в силе, хотя и в ней тоже, конечно.

А шёл мне теперь, страшно вымолвить, двадцать первый год. Подружки жалели меня, говорили, что я кажусь моложе. Да и седых волос у меня было пока немного. Пять не то шесть на всей голове.

Радость-ёлочка стояла чуть на отшибе, касаясь травы тёмно-зелёным плащом, отороченным светлой, нынешнего года хвоей. На загляденье крепка собой и хороша. А придёт осень — вызолотит за нею ровненькие берёзки, обольёт румянцем рябины...

— Здравствуй, красавица! — сказала я ёлке.

Ветра не было, но дерево поклонилось в ответ.

Уходившее солнце освещало лишь самые лесные макушки. Я выпряглась из кузова и оставила его в холодке. Молчан первым нырнул под плотные ветки, проверяя, нет ли кого, не надо ли выгонять.

Здесь у меня был давно обжитый дом. Горбатой кучей пушилась многолетняя опавшая хвоя — мягкая перина любому доброму гостю. А поискать хорошенько, найдутся и кремень с кресалом, и миска с ложкой, и закопчённый горшок! И даже глиняный светильничек, чтобы в зимнюю ночь не скучать одной в темноте...

Совсем померк свет, чуть пробивавшийся извне. Я развернула тряпицу, вытаскивая хлеб-сало, и припомнила, как вздумала было однажды принести другую ложку — а мало ли! — и как потом махнула рукой и не принесла.

Вот и ещё одно лето одиноко уходило от меня прочь, на закат, падало за леса и болота, за великое море... я и вчера это знала, и позавчера, но тут как накатило: да что ж это со мною? За что мука такая?! И до того захотелось выпорхнуть из-под ёлки, прижать ладони ко рту, разорвать криком сгустившийся ночной мрак:

— Где ты?..

И затеплится вдали живой огонёк, протрубит серебряный рог, откликнется человеческий голос... Не может того быть, чтобы не отозвался... И раздвинет унизанные росой кусты, выплывет из тумана долгогривый уверенный конь, и выедет на поляну Тот, кого я всегда жду.

— Ты ли звала, дёвица? — спросит он, улыбаясь, а я слова разумного выговорить не смогу, только кивну...

Я не умела представить ни голоса, ни лица, но не сомневалась — признаю немедля. И не забоюсь я его — да кого я боялась! А он будет сильный и большой, орёл против меня, птенчика желторотого. Что ж не быть птенчиком у такого-то под крылом. И взойдёт золотое, ликующее внешнее солнце, и покажется, что всю прежнюю жизнь я бродила в диком лесу, а теперь попала домой...

Я лежала недвижно, не раскрывая глаз, лишь тёплые слёзы текли себе из-под век, скатывались по вискам, противно ползли в уши. И кто-то другой, всегда живший во мне, смотрел как будто со стороны и кривился, насмешничал: развалилась кобылица, хоть в соху пряги, жди, сейчас кто придёт головку шёлковую гладить, слёзы жемчужные утирать...

Я не побегу никуда. И звать не стану. Глупости всё. Мечты. Не отзовётся никто, кричи не кричи. Орла заждалась. А вот осерчает дядька да сговорит долой со двора замуж за малолетку, соплю ему выгирать, на руках носить сонного на полати...

Молчан заскулил еле слышно, ткнулся холодным носом мне в щёку. Он не любил зря подавать голос, в жизни не лаял и редко даже рычал. А уж строгий был — не всякий раз допускал себя приласкать. Но вот уразумел горе хозяйкино и то, что за мою обиду некого рвать, что сродни она тоске зверя, глядящего на луну.

Я обняла доброго пса и скоро уснула. И будто кто шепнул напоследок: пройдёт двадцать лет, и вспомнишь, счастливая, всё нынешнее со смехом... Теперь я знаю, это нашёптывала мне сама моя молодость. Молодость склонна отчаиваться там, где нет повода для огорчения, и надеяться, когда уже и быть не может надежды.

Я спала и не слышала, как по лесу зашумел порывистый ветер, а после и дождь.

2

Утром меня разбудила возня белок в ветвях над головой. Я давно знала белок, а белки — меня и Молчана. Молчан даже голову не повернул посмотреть.

Я выбралась из-под ёлки. Утро занималось холодное и рассудительное. В такое утро припомнишь, о чём сладко грезилось накануне, и криво усмехнёшься, тряхнёшь головой.

Я взвалила на плечи кузов. Теперь следовало поспешать. Иначе несладко будет грибам, да и мне не миновать поношения: одно дело, мол, так и за то лучше бы не бралась... хорошо хоть день выдался пасмурный, не жарко шагать.

Ближняя дорога домой пролегла вершинами песчаных холмов, заросших добрыми соснами. Серый мох под ногами впитывал моросившую влагу. Я шла босиком. Я любила ходить в лес босиком. Без обуви нога становится зрячей и ловко выбирает, куда наступить. А одета я была парнем: штаны да некрашенная рубаха. Сто лет назад меня точно прогнали бы из дому за подобный наряд, а то и ведьмой назвали, но теперь времена были иные: ворчали, грозились — и только. Мать, правда, плакала, мол, сбегут последние женихи. Но в мужских портах легко было прыгать через лесные коряги, а женихи не умели даже сладить с загадками, которые я загадывала на посиделках. А уж про то, что ни одного из них я не забоялась бы на кулаках, не стоило и говорить.

Сосны иногда расступались, и я нарочно придерживала шаги, чтобы рассмотреть вдаль небеса того особенного жемчужного цвета, какого никогда не бывает над лесом. С северо-западной стороны нависало над нами великое Нево. Старики говорили, когда-то оно медленно надвигалось на сушу; так и залило бы весь белый свет понемногу, да сжалился благодетель Свáрог и пропахал воде широкое устье на запад, в Кóтлино озеро, в самое Варяжское море...

Сто лет назад наш род жил на самом Нево, на берегу. Жаль, без меня миновали те времена. Родись я пораньше, может, и не было бы у нас ныне с лесом такой лютой вражды.

Самая пора, кажется, рассказать теперь про Злую Берёзу и про то, почему наш род ушёл с берега моря. Потом-то, боюсь, некогда будет!

Сто лет назад в море Нево начали появляться длинные корабли под полосатыми парусами. Северные мореходы с одними вели торг, других грабили, третьим велели откупать жизнь и добро. А иных — хуже не придумаешь — насильно везли прочь, продавали холопьями где-то в дальней чужой стране...

Пращур мой не стал ждать, пока нападут. Благо, вблизи прежнего селища падала в Нево протока, а за протокой лежал широкий разлив, поросший колеблемым тростником, усеянный лесистыми островами. Не всякий пройдёт насквозь с первого раза. Пересёк его пращур и сел по ту сторону на матёрой суше, на высокоом крутом берегу. Там жила в лесах голубоглазая, беловолосая весь. Лесов нехоженных никакая птица перелететь не могла; дичи, ягод-грибов было в достатке, и весь не обиделась, начала в гости ходить. Разбойники же новых дворов так и не доискались.

А на прибрежном холме, там, где поднялся тын, стояла пара берёз. Они росли из разных корней, а ветви сплетались высоко в небе, как обнявшиеся руки. Весной на обеих распускались одинаковые серёжки, но все немедленно поняли, что это были берёза-муж и берёза-жена. Одна была кряжиста и могуча и словно оберегала вторую, а чуть поодаль тянулись к солнышку два тонких ростка... Взрослые деревья шумели над ними, распевая согласную, счастливую песню...

Пращур мой достраивал хлев, и вот поди — приглянулась ему берёза-жена, такая уж ровненькая, как раз на охлупень. Он её и свалил. Повинился перед обиженной древесной душой, покормил, как заведено, маслом. Отсёк ветки, впряг лошадь и потащил брёвнышко домой. И сам не заметил, как затоптал по пути обоих берёзовых деток.

...Вот когда начались у нас страшные чудеса! Ночь за ночью муж-берёза выдирал из земли корни и пододвигался к избам на полшага! Пядь за пядью — упрямо туда, где белело в лунном свете нагое тело любимой! Хотели задобрить его угощением, прирезали молодую корову — не помогло. Решили срубить — топор соскользнул по белой коре, уязвил пращура в ногу!

Уже над самым тыном нависали шевелящиеся ветви, когда наконец додумались позвать ведуна. Весский волхв-арбуй долго ходил вокруг дерева посолонь, творя заклинания, потом добыл огня и прижёт торчавшие корни, и Злая Берёза остановилась. Ни разу с тех пор она не цвела и даже весной зеленела медленно и неохотно. Словно не жила вовсе, а томила в тягостном колдовском сне, где не было ни пробуждения, ни смерти... И оживала лишь изредка, чёрными ночами, когда ветер дул с моря. Тогда ветер смыкал и размыкал её ветви, и дерево становилось похоже на руку, вздетую из-под земли и шарившую... шарившую... и человеческим стоном надрывалась душа, заключённая в корявом стволе... люди в избах, снедаемые страхом и совестью, теряли покой.

Вот какое проклятие тяготело над нами, вот почему никто в нашем роду не совался в лес без нужды. Разве только зимой, когда лесная сила вся спит. Мне одной не было страшно. Я всегда знала про мужа-берёзу, а лет в двенадцать впервые его пожалела. И твёрдо решила: родись я пораньше, легла бы у пращура на дороге, а не допустила злодейства!..

Тогда приснился мне сон. Сон вроде странный, а вдуматься, ничего удивительного. Я как раз в тот год уронила первую кровь, сняла детскую рубашонку и постилась, запертая в клетки, провожала девчоночий возраст, как от прадедов заповедано: незримая солнцу, не смея ног наземь спустить... И привиделось, будто треснуло, как от мороза, раскрылось неохватное древо... выпустило человека...

С тех-то пор появился у меня Тот, кого я всегда жду. Я в девчонках такая была: что в мыслях, то и на языке. Однако тут достало ума промолчать. Незачем. Не всё напоказ.

Шла я, шла — и вот наконец шагнула, как в двери, меж высокими соснами... и сколько хватало глаз легло передо мной тусклое беспокойное море. Вспененные волны казались издали рябью; жаль, недосуг было спуститься к ним, тяжело ворочавшимся в прибрежных камнях. С моря приходили сердитые бури и разбойные корабли, но я любила его всё равно. Глядя на море, я мечтала о необыкновенном. У мечты не было внятного облика — просто хотелось не то бежать куда-то, не то взмахнуть нежными крыльями — и лететь... Не могу лучше сказать.

Я думала уже уходить, когда на глаза мне попалась чёрная точка, мелькавшая далеко-далеко. Корабль!.. И хоть верьте, хоть нет, но предчувствие кольнуло меня сразу. Бывает, что в избу, где посиделки, заглядывает припозднившийся гость, и вдруг знаешь: не к кому-нибудь подойдёт, прямо к тебе. Так и тут. Точка ещё не успела стать лодьей, а я уже видела, как она входит в протоку... крадётся меж островов...

Я встряхнулась, прикидывая свою ношу. Бросать, так к дому поближе. Жаль было грибов и самого кузовка, родной ведь. Я свистнула Молчана, и мы заспешили.

...Накликала, зло корил меня кто-то другой. Мечтать больно горазда. Вот, дождалась, валит в гости черна толпа женихов. Много их там, и руки у каждого длинные, как раз за косу ловить!

Я неслась во весь мах, изредка замирая на макушках холмов. Корабль двигался быстрее, чем я ожидала. От этого было ещё страшней, и предчувствие продолжало меня терзать. Я стала оглядываться на каждом шагу. Я шла слишком медленно, а побе-

жать мешал кузовок. Я ссадила его, уже не выбирая удобного места, остановила хромавшего пса:

— Береги!

Молчан послушно улёгся, а я натянула поглубже шапку со свёрнутой в ней косой — не хватало ещё, чтобы вывалилась, — и пяточки засверкали. Лук в налучи и тул со стрелами лупили меня по бёдрам — ни дать ни взять подгоняли.

Я вылетела из леса, едва дыша от волнения: должно быть, корабль опередил меня, и я никого не сумею предостеречь. Но нет, повезло. Быстра была я всё-таки бегать. Вот они две наши избы, вот он тын — плотно спряжённые островерхие колья, обступившие жильё... Угрюмым исполином высилась над ними Злая Берёза. Ворота были распахнуты, и светлородый муж спускался к озеру, неся на плече сеть.

— Дядько Ждан!.. — закричала я из последней могуты, сообщив, что голос добежит быстрее меня. — Дядько Ждан!..

3

Всё-таки беспечно мы жили. Не были приучены к страху, к тому, чтобы по первому крику подхватывать пожитки и удирать. Это нас и сгубило. Пока метались мы с братьями, пока наши матери суматошно вязали узлы и собирали вокруг себя ревуших детей — хмурой угрозой выдвинулся из-за мыска парус, и в разливе прямёхонько перед нами явился корабль. Что ж ты оплошал, дедушка Водяной, не запутал, не остановил!.. Не на тебя ли надеялись, не тебе ли ранней весной дарили чёрных козлов? Не помогали чужого Омутника выпроваживать, когда водворился? Или, может, такие гости пожаловали — не совладать?..

Корабль был чёрный, как уж, плывущий в пруду. А посередь паруса — белый на пасмурно-сером — красовался злой сокол, падающий с небес... Варяги! Ладожские варяги! Грозного князя Рюрика люди. И никому не ведомо, что у них на уме.

Бежать было поздно, сражаться же... Мы как-то сразу оставили бестолковую беготню и сгрудились возле тына. Только мать подхватила младшеньких дочек и скрылась с ними в избе. Как дитя малое, что прячется в пожаре под лавку...

Мы ждали — корабельщики ударят длинными вёслами, поспешая к поживе. Втащат лодью на берег и побегут ломать наши ворота... Ошиблись. Корабль сбросил парус и подошёл неторопливо, будто не желая пугать. Ткнулся в берег и встал возле наших лодок, обсыхавших днищами вверх.

Я смотрела на мореходов, по одному перелезавших через борта, и меня колотило. Я стояла около дядьки и держала лук наготове. Мой лук. Берёзовый да можжевеловый, оклеенный оленьими жилами и берёстой. Его натянуть — что поднять за шиворот сестрицу Белёну. Он достался мне в наследство от бабушки; хороший лук, если ухаживать, не дряхлеет. Сам дядька задумался бы, прежде чем браться за его тетиву.

Варягов оказалось не более двадцати, но против нас это была страшная сила. Правда, половина тут же растянулась на травке — видать, соскучились в море, — и лишь несколько начали подниматься наверх. Впереди шёл высокий воин с обвязанной головой. Мы сразу поняли, что это был вождь. Вожди всегда идут первыми, если неведомо, чего ждать.

Дядька облизнул губы и сказал мне почему-то шёпотом:

— Останови-ка его.

Подходившие были ещё далековато. Мой лук заскрипел, дрожа от натуги. Я прикинула расстояние и ветер и выпустила стрелу. Все глаза метнулись за ней. Стрела очертила дугу и ударила в землю как раз возле ног шедшего первым. Ай да я!

Варяг остановился. Поднял голову, глянул на нас, потом на торчавшее древко. Конечно, он понял предупреждение. И страх, его породивший.

Воинам вокруг него наша выходка показалась обидной, но предводитель их удержал. Встал так, чтобы мы хорошо его видели. Расстегнул пояс, сложил наземь ножны с длинным мечом. И неспешно пошёл, один, безоружный, к нашему тыну.

Была на нём красно-бурая льняная рубаха и штаны из тонко выделанной кожи. При всякой погоде в такой одежде весело телу. А ростом он был едва не с наши ворота, но двигался неожиданно мягко и легко, ни дать ни взять лесной кот, в котором под пёстрой шубкой не заподозишь костей.

Подойдя, он остановился и некоторое время стоял неподвижно и молча, оперев руки в бока... Сразу шестеро стрелков держа-

ли его на прицеле, и моя стрела была одной из шести. В этакоей близи она ударит крепче гвоздя под молотком, не спасут ни шлем, ни кольчуга, да при нём их и не было. И тем не менее он не боялся. Вот так. Мы боялись, а он, под смертью стоявший, нас не боялся. Мне казалось, он чуял наш страх, истекавший в щёлочки тына. Это тоже был поединок, и я уже видела — хвастаться придётся не нам.

— Ну что, добрые люди? — сказал он наконец. Не очень громко сказал. Но так, что мы слышали. — Всех гостей стрелами пригласите? Или меня одного?

Я покосилась на дядьку, но дядька молчал.

— Там мои кмети, — кивнув в сторону берега, продолжал переход. — Они называют меня Мстивоем Ломаным, а иногда ещё воеводой. Хотели мы выпасться у очага, да поесть, да в бане погреться... Что сдумаете, добрые люди? Рати не побоитесь, и мы ведь не побоимся. И уж сами возьмём что пожелаем, просить больше не будем. А миром кончить решите — открывайте ворота. Да прежде выйдите мне того, кто у вас тут так зол стрелы метать.

Он говорил по-словенски понятно и без запинки, но почти в каждом слове, как седина в чёрной лисе, проскальзывало чужое. Кончив, он повернулся и так же неторопливо зашагал прочь, не дожидаясь ответа. У него был широкий и ровный шаг человека, привыкшего, чтобы перед ним расступались. Мстивой, подумала я. Мстящий Воин. Хорошее прозвище для вождя. Как его на самом деле зовут? Луки в наших руках поворачивались ему вслед, потом по одному опустились. Подойдя к своим, он что-то сказал, ткнув пальцем через плечо. Послышался смех.

Тогда я отвернулась от варягов и сразу встретилась глазами с дядькой. И удивилась, каким чужим и незнакомым было его лицо. А братья, стоявшие подле, тихонько, бочком, отодвигались в сторонку. Как будто рядом со мною почему-то стало опасно.

Кажется, я недоумённо сморгнула, и дядька из незнакомого сделался злым:

— Слыхала, что ли? Ступай!

Тут я начала понимать, что происходило. Я ещё двигалась и дышала, но для всех я уже умерла. Вот когда даже мысли во мне онемели, не говоря уже о руках и ногах. Я только порадовалась каким-то краем сознания, что мать в избу убежала и не уви-

дит. Всё правильно, моя стрела, мне и честь. Плохим старейшиной был бы дядька, вздумай он меня укрывать. Но я едва оторвала от земли ногу, делая шаг к воротам. И кто-то из братьев толкнул меня в спину, чтобы поторопилась. А ну осерчают грозные пришлепцы, с мечами падут на неучтивых...

Я не помню, о чём думала. Должно быть, ни о чём. Я подошла к воротам, как во сне. Вот раздвинулись тёсаные, с младенчества знакомые створки... Парни отворачивались, пряча глаза. Наверное, им было стыдно моей трусости, моих тряских коленок. На моём месте любой из них выглядел бы краше. Наверное. Я не знаю. Я миновала ворота и оглянулась.

— Поди! — прикрикнул дядька сердито. — Чего хочешь, чтобы всех из-за одной тебя порубили?!

Я отступила, ворота захлопнулись. По ту сторону остались сестрёнки и мать, сам дядька и вся моя прежняя жизнь... Я теперь была сама по себе, отрезанный край. Никто не придёт мне на выручку, ни братья, ни Молчан, ни Тот, кого я всегда жду.

Почему я не кинулась в сторону, не попыталась скрыться в лесу? Не догадалась — слишком крепко запеленал меня страх. Я видела перед собой только варягов и тропку, по которой надо было сойти. Меня выдали на расправу, вот я и шла — умирать...

Потом я запнулась о камень и вспомнила, что при мне был мой лук. И выдернула старого друга из налучи, кидая к жилке стрелу. Спасти не спасёт, но лучше с ним, чем без него.

Воины кучкой стояли вокруг упавшей стрелы. Мне показалось, они смотрели не зло, больше насмешливо. А я не спускала глаз с вожака. Его меч опять висел у бедра, почему-то справа, тяжёлый меч с забавными рожками на рукояти. Сейчас вытаскает и...

Какой же он был огромный. Более чем на голову выше меня, и мой ужас его ещё увеличивал. Горбоносое худое лицо казалось вылинявшим от застарелой усталости, несвежая повязка присохла ко лбу, а волосы и борода были на две трети седыми, и оттого он сперва показался мне если не старым, так пожитым. Он смотрел не мигая, и глаза тоже были какие не всякий день встретишь. Светло-серые у зрачка и будто углём обведённые по краю... Ой, щур, спаси меня, щур!..

Но тут в жестоких глазах что-то затеплилось, и Мстивой Ломаный улыбнулся:

— Опусть лук, дитятко... Убьёшь ещё ненароком.

Я осторожно ослабила тетиву и почувствовала, как свело пальцы на древке стрелы. А в голосе варяга была вроде жалость с презрением пополам. Он же видел, как коверкал и ломал меня страх.

— За кого вышел, вихрастый? — спросил вождь неожиданно. — За отца небось? Или за брата?

Подле этого мужа мне притворяться парнем было всё равно что худой поганке в лесу — белым грибочком. Но, как ни странно, он ничего ещё не заподозрил. Он настолько не ждал девки, что с трёх шагов не заметил женских оберегов на моей рубахе вместо мужских. Добро...

— За себя, — сказала я сипло и кашлянула.

Нас теперь разделяли считанные сажени, и один из варягов, усатый, плотно слепленный молодец, двинулся ко мне, протягивая руку:

— Долой шапку, сопля...

У него было обожжённое солнцем лицо и зелёно-голубые глаза, как драгоценные камни.

Я отскочила, пригибаясь, и двумя руками натянула шапку на самые уши. Кмети захохотали, а Мстивой обернулся к товарищу и осадил его на неведомом языке. Тот отступил виновато, а я вдруг поняла, что они вовсе не думали меня убивать. По крайней мере, немедленно.

— За себя, говоришь, — повторил вождь. Нагнулся, выдернул и дал мне стрелу. — Докинь обратно, если не врёшь.

Мне говорили потом, я покраснела. Это я вру? Я не сумею?.. Я встала к ним спиной и оттянула тетиву до правого уха. Я целилась из-под горы, да и ветер теперь только мешал; ну так что же! Стрела ушла ввысь со шмелиным гудением, и я тотчас увидела — не оплошаю. Кованое жало грянуло в ворота. Затрепетало длинное древко.

— Ишь ты, — сказал Мстивой с чем-то похожим на уважение. — Ладно, веди, удалец. Уговор так уговор.

И я пошла с ним по тропинке обратно наверх. И варяги, все двадцать, повалили за ним. У меня голова шла кругом, я только старалась шагать широко, по-мужски. Но так, как у вождя, у меня всё равно не выходило.

Ворота распахнулись навстречу. Дядька Ждан стоял посередине: кому встречать гостей, как не ему. Он даже улыбался, но неуверенно, и губы были серые... ещё бы.

Потом я увидела мать. Она прижимала к груди наспех собранное угощение: хлеб и ковшик свежего молока. Она очень боялась, но страх за меня пересиливал. За цыплёнка и курица лютей зверь. Мать пошла прямо к Мстивою, протягивая нехитрую снедь. Так ведётся: в каком доме поел, там становишься за своего, там озоровать уже не моги.

...Вождь споткнулся и замер, точно грудью налетев на копьё. Так, будто подали ему не молоко, а болотную воду, кишашую пиявками и червями. Несколько воинов разом шагнули вперёд, заставляя его, хватая мечи... а тот плотный парень прямо побелел и взмолился:

— Брэнн! Лез ва!

Но вождь уже справился с собой. Покачал головой и ответил на том же чужом языке:

— Пив грайю э кен гвеллох ха ме...

Взял у перепуганной матери ковш, поблагодарил и спокойно, не торопясь, выпил всё до конца. По нему не было заметно, чтобы что-то стряслось. Но я откуда-то знала: стряслось, и такое, чему уже не поможешь. Такое, что, доведись им второй раз прожить минувшее утро, темнобокий корабль прошёл бы далече от нашего берега...

Дядька Ждан повёл примолкших варягов к себе в избу. Я слышала после, они прошли в дом по одной половине и первым делом поклонились печи. Вправду, что ли, гости как гости...

Мой кузовок никуда не убежал со своего места. От Молчана не убежишь. Молчан лежал неподалёку, опустив голову на скрещённые лапы. А перед ним на пеньке сидел молодой малый в расшитых сапожках с загнутыми носами. Я знала его, он жил за болотом, мать его была словенкой, отец — весином из рода Чирка. Таких семей теперь было много, и дети рождались красивые и смышлёные как на подбор. Вот и мой паренёк удался хоть куда: волосы и бородка — весского бледноватого золота, нос — с курносинкой, а всё лицо наше, словенское, и глаза голубые, чуть-

чуть раскосые. Девки сохли и ссорились из-за пригожего молодца, а я его почитала себе едва ли не братом. Весское имя его было Андом, что означало Подарок, словенское — Ярун. Хорошие имена и как раз по нему. Он сказал:

— Растолкуй своему глупому псу, что я не вор.

Я нагнулась к Молчану, похлопала по загривку:

— Разумник ты мой.

Ярун потянулся, хрустнув плечами, и поднялся.

— Давай помогу.

Я вскинула глаза: обычно с меня помощи спрашивали. Но, видно, такой уж сегодня выдался день.

— А помоги, — сказала я Яруну. — Да пошли к нам. К нам нынче знатные гости пожаловали...

На краю леса я всё-таки отняла у него кузовок. Хорош буду я парень, если увидят. Пришлось позабавить Яруна рассказом, и он пообещал не выдавать.

Он внимательно рассмотрел корабль возле берега и двоих мореходов, оставленных сторожить. Ворота были раскрыты, и никто не помешал нам войти. Мстивой Ломаный держал слово, варяги вели себя действительно как гости. Когда Ярун увидел их вблизи, вооружённых дорогими мечами, уверенных в себе и друг в друге, я прямо услышала, как заплакала в нём душа, поражённая отсветом чужого и необозримого мира... Мира, в котором вселенная нашего рода была лишь крохотным островком... Этот мир пугал и манил одновременно, мы были детьми, первый раз выглянувшими за порог родимой избы...

Молчан прижимался к моей ноге и глухо ворчал, взволнованный множеством незнакомых людей. Я взяла его за ошейник и повела домой. Мать попалась навстречу запыхавшаяся, с горшком пареной морошки в руках. Видно, дядька и её призвал ухаживать за гостями.

— Малых побереги, — шепнула она мне на бегу. — В клетки они...

Войдя во двор, я посадила Молчана возле клетки и заглянула вовнутрь. Три кудрявые девчушки отчаянно завизжали, прячась за коробами, потом пригляделись против света и перевели дух. Недоставало Белёны.

— Она в задок собралась, — объяснили меньшие.

Добро, повременим. Я вытащила нож и уселась на пороге чистить грибы. И так вон уже сколько, бедные, дожидались. Хорошо хоть день простоял непогожим, не обманул. Мы сквасим грибы в дубовой кадучке со смородиновыми листьями, укропом и чесноком — даже теперь слюнки потекли, как подумала, — и старшая дядькина жена до весны будет заглядывать к нам, смущённо пряча за спиной пузатую мису... Кадка будет стоять в общем подполе, но у нас доподлинно знали: испортится, если другой, не я, крышку поднимет. Может, и верно.

А вообще-то, мысли мои вертелись, точно ошпаренные ужи, и, конечно, всё вокруг варягов. Волнушки успели покрыть дно решета, когда я схватилась: Белёна! Давно пора было вернуться, если только ходила она точно в задок. Не иначе сестриц провела да и меня заодно. Деваху смазливую хлебушком не надо было кормить, дай покрутить подолом перед своим ли, перед чужим... И то сказать, самая пора в пятнадцать-то лет, мыслимо ли дожидаться, покуда меня, коровищу, сведут со двора!

Молчан насторожил уши, но я оставила его у клетки. Никто, кроме матери, не войдёт туда и не выйдет, а Белёну я и сама как-нибудь разыщу.

Я угадала. Сестрице моей дела не было до материных запретов, своего же умишка нажить ещё не успела, не додумалась поостеречься чужих, перехожих людей, давно не видевших жён... Я нашла её неподалёку, у тына. Молодой варяг, тот самый товарищ вождя, прижал глупую к брёвнам и знай себе целовал.

Ой, что со мной стало!.. Не помню, как подлетела. Схватила обидчика за волосы, отодрала от сестры. Он зарычал и досадливо отмахнулся, но я первая сложила кулак и вlepила ему в переносье. Очень уж мне хотелось его, бесстыжего, наказать.

Я давно выучилась драться. Когда зимой сходились побаловаться на льду, не всякий парень вставал против меня, какое там девки. Варяг на миг ослеп от удара, из носу брызнула кровь. Но он был воином. Он дотянулся и швырнул меня наземь. Я кувырнулась через голову, и косища выкатилась из-под шапки.

Косу, правду молвить, я отрастила вовсе не бедную. Ниже колена и толщиной в хороший кулак. Мало мороки было расчёсывать надоедную, оберегать в лесу от острых сучков!..

Молодой воин уже шагнул ко мне, потом поглядел — и забыл утереть кровь, бежавшую из ноздрей. И тут подле нас опять яви-

лась сбежавшая было Белёна. Она семенила вдоль тына, надув губы для плача, но на её месте и я, пожалуй, не смела бы пикнуть. Мстивой Ломаный вёл её за ухо.

Приметив нас, он остановился и некоторое время молчал.

— Видал я девок, неплохо бивших в цель, — медленно проговорил он затем. — Но не из такого лука, как у неё.

Больше он ничем своего удивления не показал. Толкнул ко мне Белёну, и та в кои веки раз обняла старшую сестрицу, прижала к моему плечу зарёванное лицо. Вождь кивнул побратиму, осторожно щупавшему нос:

— Пойдём, Славомир.

До ночи в нашей избе по одному, по двое перебивала вся их ватага. Седоусые кмети оказались любопытней мальчишек, каждый хотел сам взглянуть и увериться, что не соврали, что у меткого стрелка была цветная лента в косе. Всё-таки в каждом взрослом мужчине до ветхих лет сидит всё тот же мальчишка. Зато почти в каждой девочке-подлётке уже готова хитрющая взрослая баба. Сестрёнки уж и не прятались, а мать... мать мигом передела меня в лучшее платье и знай нашёптывала на ухо:

— Ласковой, ласковой гляди...

Так-то. Страх страхом, а женихов дочке строптивой приманивать не забывала. Варяги звали меня с собой в дядькину избу, посидеть за столом, испить с ними бражки. Мать кивала с того конца избы, но я не шла. В конце концов мать вскипела:

— Кого же я вырастила? Вот горе моё!..

Я ответила:

— Дрова колоть или соплюх этих стеречь, тут я всем тебе хороша.

Мать села на лавку и немедля расплакалась, и мне стало стыдно. Я села рядом, принялась утешать. Тем кончила, что сама разревелась. Я же понимала, что она не со зла.

Варяги прожили у нас несколько дней. Вволю парились, долечивали раны, поглядывали на пригожих девчонок. Впрочем, силой за косу не тащили: вождь Мстивой шуток зря не шутил. Дядька Ждан не смел его расспросить, за что бы да отчего подобная ласка. Мореход разговорился с ним сам. Господин, мол, Рюрик велел ему выстроить на море городок и приглядывать за

побережьем, отваживать дерзких людей из Северных Стран... Городок этот с прошлого года стоял к полудню от нас, в четырёх морских переходах. О нём сказывали охотники, ходившие в те края за песцом. Мстивой называл городок диковинным именем: Нета-дун. Что это значило по-словенски, дядька не любопытничал.

Варяг разложил перед ним гладкий берестяной лист, означил концом ножа море, протоку и наше село; вышло вроде похоже. Потом очертил берег и поставил кружочек, проколов бересту:

— Здесь живём.

Ещё он сказал, чтобы мы никого теперь не боялись. Ему, Мстивою Ломаному, велено было о том позаботиться. И не даром, конечно. Звалось это данью: мёд, меха, воск да вяленая рыба. Зимой в Нета-дуне нас будут ждать.

— Ой, княже, — заохал было дядька. — Заступы твоей мы куда не видели, а куны готовить велишь! Смотри, уйдём, не удержишь...

— Я не кнез, я воевода, — ответил Мстивой, произнеся княжеское звание на свой лад, по-варяжски. Посмотрел на дядьку сверху вниз и втоптал его в землю. — Однажды мой старый отец попал в руки датчанам... Они вызнали, где было лесное убежище, но не от него. Я понял, что налезу здесь дань, когда ты девчонку выставил за ворота...

5

Ярун обежал с новостями мало не весь лес, и у нас сталолюдно. Весские, корельские, словенские парни летели как пчёлы на сладкое — хоть одним глазком взглянуть на варягов. Ходили за воинами след в след, просили дать поддержать секиру или копьё, заводили робкие разговоры о собственном лихом молодечестве. Былая охотничья жизнь уже казалась безрадостной, лишённой удалства и забав. Подумаешь, снять с дерева белку, один на один свалить шатуна или пройти по порогам, не оцарапав кожаной лодки...

Варяги незло посмеивались и больше радовались отчаянно смелым проказницам, прятавшимся за спинами парней. Этим дурёхам здесь чудились удивительные женихи, совсем не похо-

жие на своих, незначительных, обыкновенных... Со всех сторон хорош воин, откуда ни погляди. Он и надёжа, верный защитник, мужчина среди мужчин. Он никого не боится, за ним, что за стеной, тепло, сыто и весело. А уж обнимет — все косточки сладостно захрустят... Это сразу видать, даже глупой Белёне. Кто чуть поумней, тому, как дальний ветер в лицо, повеет древнее таинство. Одного позовёт, других испугает... За воинами стоят суровые Боги. Как скалы, растущие к небу из спокойной чёрной воды. Посмотришь, и дух зайдётся от страха, а не отвести глаз! Воины дарят себя Перуну, хозяину молний, на них пребывает грозная благодать. Бой для них — не простая сшибка из-за добычи, это — служение. И жертва, если понадобится... Перед воинским Богом в страхе мечутся Домовые, ныряет поглубже в омуты Водяной, отступают, склоняют седые головы хранители-предки... Вот отчего и на нас как будто легла огромная тень, вот отчего липли к каждому кметю девки-разумницы: подарит дитя — подарит милость Перуна, которой сам наделён... А уж дома-то станут носить на руках, и женихи сизокрылыми соколами слетятся к порогу: от воина сумела родить! Да вдруг сынка!.. Счастье в дом при-манила!..

...Всё воистину так, но моя-то Злая Берёза только гремела железными сучьями, не торопясь кланяться никому, даже Перуну. Я не могла объяснить, но в ней жила равная сила. Я видела: варяг-воевода ни разу не подошёл к дереву близко. Ни разу не наступил даже на тень, наверное, ему, вождю, было многое зримо, невнятное другим... а заметил ли это ещё кто-нибудь, кроме меня, откуда же знать.

Один малый, ровесник мне по годам, повадился к нам приходить. Нежатою звали. Глаза у него были совсем не те, что у воеводы. Карие, ласковые. Знать, от воинской жизни ещё не ороговела душа. Отец Нежаты, словенский хоробр, пал на этом вот корабле. Вождь и взял к себе сына погибшего, присматривал за ним, как за родным.

Я рада была слушать разговорчивого Нежату. Мне очень хотелось его расспросить, почему это вдруг отчаянный вождь едва не попятился от ковшика с молоком, и ещё, на каком таком языке толковали порою друг с другом воевода и Славомир — ведь не по-варяжски?.. Варяжский язык словенскому брат, с пятого на

десятое, а что-то поймёшь; здесь же... Любопытство меня борол, но к слову всё как-то не приходилось. А Нежата перенимал у меня коромысло, в охотку помогал тянуть из подпола корчагу — и всё старался коснуться когда плечом, когда рукой. Я и не замечала сперва — спасибо Белёне, надоумила. Она, конечно, вертелась юлой, но Нежата на неё не глядел. Однажды Славомир посмеялся братски:

— Смотри берегись, эта девка тебя в кадку посадит да крышкой сверху закроет...

Я при том не была, передали. В который раз про меня говорили подобное, в глаза и заглазно, но тут я обиделась.

Нежата явился вновь только под вечер.

Это был последний вечер перед отплытием, и он уговорил меня посумерничать с ним на крыльце. Расстегнул тёплый плащ-мятель, хотел набросить мне на плечи. Тоже выдумал. Это я не смекнула взять из дому шубу или платок, ему-то что мёрзнуть ради меня?

Я за день набегалась, глаза сами собой на ходу закрывались. Я зевала в кулак и только думала, скорей бы ушёл, спать отпустил.

— Красивая ты, — сказал вдруг Нежата, и я почувствовала его руку у себя за спиной. Он добавил шёпотом: — Моей назовись.

Вот когда миготом отлетел прочь всякий сон, и столь сладкое тепло меня охватило, такая блаженная и покорная слабость, какой я ни разу прежде не знала. А что, может, и правда я зря невесть кого дожидалась?.. Сейчас поцелует... никто не целовал меня прежде. Белёна и та глядела княгиней и на меня вроде дулась, зачем я отогнала Славомира... Неужели, подумала я сбивчиво, неужели?.. Вот так оно и бывает?

Нежата осторожно обнял меня, стиснул мою руку в своей, сердце молодое, знать, разгоралось. Но я вдруг увидела, как Тот, кого я всегда жду, грустно улыбнулся издалека. И Злая Берёза глядела через тын будто с укором... Я вздрогнула, стряхивая дурман.

— Ты что? — обиженно изумился Нежата. — Гонишь никак?

— Нет, не гоню, — ответила я, подумав. — Но и целовать тебя не могу. Не сердись.

Он отодвинулся, спросил хмуро:

— Обещалась, что ли, кому? Могла бы сразу сказать.

СОДЕРЖАНИЕ

ВАЛЬКИРИЯ. Тот, кого я всегда жду. <i>Роман</i>	5
ВЕДУН. <i>Повесть</i>	329
ЛЕБЕДИ УЛЕТАЮТ. <i>Повесть</i>	361
ПЕЛКО И ВОЛКИ. <i>Историческая повесть</i>	409
ПОЕДИНОК СО ЗМЕЕМ. <i>Славянские мифы</i>	549